

В разные годы в «Советской России» были напечатаны писательские диалоги Юрия Бондарева и Арсения Ларионова (в 1978 г. — о Л. Н. Толстом; в 1980-м — о М. А. Шолохове; в 1981-м — о Ф. М. Достоевском), вызвавшие большой читательский интерес. Диалог вошел в собрание сочинений Ю. В. Бондарева и много раз публиковался в отдельных книжных изданиях.

Через тринадцать лет, накануне IX съезда Союза писателей России (открывается он 14 июня на Комсомольском проспекте, в доме № 13), Юрий Бондарев и Арсений Ларионов предложили нашей газете свой новый диалог — о современной литературе, о творческих союзах, их будущем, о России и непреходящих жизненных ценностях. Своей духовной направленностью диалог продолжает разговор о традициях русской и мировой литературы, о классиках ее — Толстом, Достоевском, Бунине и Леонове...

Авторы имеют свою позицию, часто не совпадающую с общепринятой, что придает диалогу остроту и полемичность. Кстати, он состоялся в дни Страстной недели, когда Юрий Бондарев отказался получить президентский орден Дружбы в Кремле. Его телеграмма Ельцину Б. Н. была опубликована в нашей газете 30 апреля. Мужественный поступок писателя по достоинству оценили все здравомыслящие люди.

ЖИЗНЬ В КРАСОТЕ И РАБОТЕ

Сов. Россия. — 1994 — 7 июня — 1, Земные страдальцы

— Юрий Васильевич, не хотелось бы начинать с грустной ноты, но не оставляет непроходящее чувство напряженной таинственной тревоги (по Достоевскому), что затянулось на Руси окаянство. И уже совсем иначе, более пронзительно звучат последние строки знаменитых ныне «Окаянных дней» Ивана Алексеевича Бунина. Помните эти слова об Одессе: «Давно ли порт ломился от богатства и многочисленности? Теперь он пуст, хоть шаром покати, все то жалкое, что есть еще где-то пристаней, все ржавое, облупленное, ободранное, а на Пересыпи торчат давно потухшие трубы заводов...». Таково описание разрухи после «красного октября». Душа Бунина страдает, он подавлен. Вам эта картина что-нибудь напоминает?

— До чего же схожа русская интеллигенция во все времена! Она всегда вначале с плеча отвергает, топчет все в океане легкоязычных, безответственных слов, но, «испив чашу несказанных душевных страданий» (по Бунину), слезливо сожалеет о злосудном, скулит, ноет, истязает себя виной, ищет утешения в церкви, в устойчивой благонаправленности.

Ведомо ли было Ивану Алексеевичу, как же это все повторится! И мертвая страна, и разграбленные города, и земные страдальцы, ищущие тихого уединения истрадавшей душе, и новый приход неистовых атеистов под благолепие Божественных сводов. И снова утешение — в раскаянии, в поисках добра... Что это? Безмятежность спящего духа, бессилие и леньность душевной инерции? Или это садистский бунт большой психики, жажда хаоса? Или это все-таки самоказнь, самоистребление? Не сразу ответишь, не сразу поймешь...

— А может, Юрий Васильевич, это национальная черта нашей интеллигенции? Двучисленность? Самонаказание? Вечное недовольство существующим? Или просто неумность в выборе жизненного пути, стратегически обрекающая страну и народ на катастрофу?

Французский писатель Андре Жид, находившийся какое-то время в добрых отношениях с Буниным, так оценил психологию русского писателя: «У нас с ним нет общих святых, общих богов — это ясно». Может, в этом объяснении — большая правда!

Еще более категорическое и несколько уничижительное суждение высказал другой, не менее известный французский писатель, неистовый пропагандист вечных ценностей Ромен Роллан, страстно увлекавшийся русской революцией. Он дружил с Горьким, бывал в СССР, был принят Сталиным и беседовал с ним. Ромен Роллан в 1922 году написал о Бунине: «...Он отнюдь не наш, он неистово, желчно антиреволюционен, антидемократичен, антинароден, почти антигуманен, пессимист до мозга костей. Но какой гениальный художник...». Как видите, терминология революционных демократов и тогда мало чем отличалась от нынешней. Все та же запелляционность, все те же «анти», когда литератор «не свой!». Как схожи эти оценки с теми, что сыплют и по вашему адресу

нынешние «революционные демократы»-писатели!..

— Беспредельное себялюбие рождает умственное убожество, малоумие и делает из «сотоварищей» яростных врагов, даже если они когда-то оказывали друг другу поддержку и помощь. Себялюбие сбившихся в стаю групп делает в конце концов человека несвободным, что мне чрезвычайно чуждо.

Но становится совсем уже не по себе, когда в театральных залах, в словесных сражениях на кровавых трибунах 80-х и 90-х годов при каждой выкрикнутой политической пошлости, более того — даже во время страстной танковой стрельбы в дни «черного октября» кумулятивными снарядами по парламентским окнам ошалевшие «демократы» с энтузиазмом неандертальцев кричат «браво!».

Чудовищное насилие сопровождает любую революцию, если даже ее назовут потоком «бархатной» или «шелковой». Уж такова цена «революционной демократии», которой крепкий огнестрельно вооруженный жандарм с совершенной техникой нужен сразу же после победы над оппозицией.

— Юрий Васильевич, средствами массовой информации в самом положительном смысле в последние годы широко используется понятие «элита», в советское время имевшее определенно критический оттенок. Сейчас же — это новая революционная среда, которая расположилась в Кремле и вокруг. Преуспевает «элита» — региональная, городская, творческая, писательская, думская и даже партийная. Что вы думаете об этом?

— Термин «революционно-демократическая «элита» «запустил» в обиход известный «архитектор перестройки» в пору, когда он натравливал контролируемые им партийные и другие средства массовой информации на сам аппарат КПСС, на деятелей культуры и литературы, на ученых, неудобных ему и его новому кремлевскому «реформаторскому» окружению. Надо было все прежнее, уважаемое и нравственно здоровое обмазать грязью, дискредитировать, испоганить до отвращения, чтобы на этом пепелище возросла «элита» нового привилегированного класса. Теперь все знают не только предательское коварство Александра Яковлева, о чем я говорил и писал не раз, но и знакомы с низкосортной «элитностью», ее политической, научной, государственной и нравственной несостоятельностью... С демократической «элитой» пропагандистская кампания явно провалилась.

В советское время родился новый слой высокопрофессиональных управленцев, умных государственных чиновников, очень талантливых художников, писателей, которых стыдливо элитой не называли по вполне понятным причинам. Однако часть новой элиты, как во времена Бунина, начала игру в инакомыслие, в тонкое понимание диссидентства, декадентства, эпигонства, заигрывала с левыми, тайно восхваляла веяние революционно-реформаторских идей... И опять, как в 1917 году, все кончилось предательством элиты и крахом империи, только теперь крахом народившейся рабоче-крестьянской элиты.

(Окончание на 3-й стр.).